

Вечер военной книги «*Великая Отечественная Михаила Шолохова*»

Составитель: Носикова Г.П.,
библиограф 2 кат. МУК МЦБ Зимовниковского района

Оформление:

- ◆ выставка книг М.А. Шолохова и литература о нем;
- ◆ портрет М.А. Шолохова с надписью 110 лет со дня рождения и эпитафия «Счастье приходит к нам тогда, когда мы выражаем не маленький мирок своего «я», когда нам удается выразить то, что волнует миллионы» (М. Шолохов).

Звучит донская казачья песня «Дон батюшка». На экран проецируется слайд с донским пейзажем. На сцену выходит чтец в казачьем костюме.

Чтец: Укрытые дымкой, уснули курганы
И синяя ленточка Дона-реки
Лишь в мареве жарком, под Донщиной милой
Без усталости кружат степные орлы.
У Дона над яром и в синем задонье
Над степью широкой легла тишина.
Край мой родимый, ты прадедов наших
Политая кровью казачья земля.

Ведущая: На этой донской земле 24 мая 1905 года, ровно 110 лет назад, в хуторе Кружилине станицы Вёшенской в небольшом, покрытом чаканом доме, стоявшем в центре хутора на церковной площади, в семье работников по найму - родился человек, навечно прославивший донские степи, вольный синий Дон, землю русскую – Михаил Александрович Шолохов. Шолохов – один из самых светлых вершин мировой литературы, его имя известно людям во всех уголках нашей планеты. В своих воспоминаниях Михаил Александрович пишет:

Шолохов: *«Я родился на Дону, рос здесь, учился, формировался как человек и писатель... И будучи патриотом своей великой, могущественной Родины, с гордостью говорю, что являюсь и патриотом своего родного Донского края».*

Ведущая: Мир Шолохова – это, прежде всего художественный мир, огромный мир. Это мир социальной борьбы в защиту простых людей. Это мир сильных страстей, чувств и переживаний, а также глубинных связей человека с родной природой. И, наконец, это мир богатого, неповторимого языка, стиля. Жизнь в изображении Шолохова – понятие многогранное: это и историческая память народа, и горячая современность в ее острых конфликтах. Все творчество Шолохова пронизано верой в человека, в его способность создать на своей многострадальной земле светлый мир социальной справедливости.

Вот что он пишет:

Шолохов: *«Я вырос в среде трудящегося казачества... Путь моих земляков к сегодняшней жизни сложный, мучительный... Обновлялась жизнь, обновлялся Дон и*

его обитатели – люди трудолюбивые, упорные, с характером. Часть этой жизни, этого обновления – в моих произведениях».

Ведущая: Михаил Александрович Шолохов – летописец нашей эпохи. В его творчестве отражены исторические переломные этапы в жизни народа: Первая мировая война, две революции 1917 года, Гражданская война, коллективизация в деревне в начале 30-х годов, Великая Отечественная война.

Проецируется слайд – казаки во время ВОВ. На фоне песни «Священная война».

Ведущая: Над Доном черным крылом пронеслась весть о войне. На станичной площади часто проходили многолюдные митинги-проводы. Казаки-добровольцы на своих лошадях уходили на фронт. Вот они, сидя в седлах, выстроились и притихли. На деревянный помост-трибуну поднимается Шолохов и обращается к казакам:

Шолохов: - *«Фашистским правителям, основательно позабывшим историю, стоило бы вспомнить о том, что в прошлом русский народ громил немецкие полчища, беспощадно пресекая их движение на восток, и что ключи от Берлина уже бывали в руках русских военачальников. Но на этот раз мы их побьем так, как их еще никогда не бивали...»*

Ведущая: А в июле 1941-го Шолохов уехал на фронт. Военный корреспондент Михаил Шолохов прослужил в армии по декабрь 1945 года. За это время он побывал на разных фронтах: Западный, Южный, Юго-западный, Сталинградский, 3-й Белорусский. Был тяжело контужен при авиакатастрофе. Писал очерки и статьи. В очерке «По пути к фронту» писатель описывает страшную картину сожженных деревень, запах гари и чудом уцелевший подсолнух, опалённый пламенем пожара:

Шолохов: *«Серые от золы и пепла измученные лица и воспаленные глаза детей и женщин надолго остались в моей памяти, и я невольно думал: «Какой же тупой, дьявольской ненавистью ко всему живому надо обладать, чтобы стирать с земли мирные города и деревни, без смысла, без цели подвергать все разрушению и огню».*
«Два чувства живут в сердцах донского казачества: любовь к Родине и ненависть к фашистским захватчикам. Любовь будет жить вечно, а ненависть пусть поживет до окончательного разгрома врагов. ...два чувства, воплощенные в действие, и приведут к нам победу. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков».

Ведущая: В центре рассказа «Наука ненависти» Шолохова - трагедия рождения великой ненависти из великой любви к родине, дому, родной земле, культуре; судьба человека на войне, психологический и трагический подтекст войны. Ключевые слова: любовь, ненависть, природа, война, человек, смерть, жизнь.

Рассказ был написан в 1942 г., когда писатель работал военным корреспондентом, и это определяет многие особенности проблематики и повествования. В основе произведения - беседа корреспондента, писателя с лейтенантом Виктором Герасимовым, побывавшим в плену и рассказывающим историю своей жизни. Теме плена предшествует описание «хорошей» земли, «чудесной» природы, боли и стыда,

пережитых при отступлении, но это все подступы к главной сюжетной коллизии - испытанию пленом, испытаниях в плену.

Звучит мелодия народной песни «Лучинушка». Выходит чтец и читает отрывок из рассказа «Наука ненависти».

Чтец: *«Не помню, сколько я пролежал без сознания, но очнулся от топота чьих-то ног. Приподнял голову и надеялся увидеть своих. Но ко мне бежали не свои, а немцы. Это топот их ног вернул мне сознание. Я увидел их очень отчетливо, как в хорошем кино. Я пошарил вокруг руками. Около меня не было оружия: ни нагана, ни винтовки, даже гранаты не было. Планишетку и оружие кто-то из наших снял с меня.*

«Вот и смерть», — подумал я. О чем я еще думал в этот момент? Если вам это для будущего романа, так напишите что-нибудь от себя, а я тогда ничего не успел подумать. Немцы были уже очень близко, и мне не захотелось умирать лежа. Просто я не хотел, не мог умереть лежа! Я собрал все силы и встал на колени, касаясь руками земли. Когда они подбежали ко мне, я уже стоял на ногах. Стоял и качался, и ужасно боялся, что вот сейчас опять упаду, и они меня заколют лежащего. Они стояли вокруг меня, что-то говорили и смеялись. Я сказал: «Ну, убивайте, сволочи! Убивайте, а то сейчас упаду». Один из них ударил меня прикладом по шее, я упал, но тотчас снова встал. Они засмеялись, и один из них махнул рукой — иди, мол, вперед. Я пошел. Все лицо у меня было в засохшей крови, из раны на голове все еще бежала кровь, очень теплая и липкая, плечо болело, и я не мог поднять правую руку. Помню, что мне очень хотелось лечь и никуда не идти, но я все же шел...

Нет, я вовсе не хотел умирать и тем более — оставаться в плену. С великим трудом преодолевая головокружение и тошноту, я шел, — значит, я был жив и мог еще действовать. Ох, как меня томила жажда! Я был почти без сознания, но шел и думал: «Как только попью воды и чуточку отдохну — убегу!»

На опушке рощи нас всех, попавших в плен, собрали и построили. Большинство пленных было ранено. Немецкий лейтенант на плохом русском языке спросил, есть ли среди нас комиссары и командиры. Все молчали. Тогда он еще раз спросил: «Комиссары и офицеры идут два шага вперед». Никто из строя не вышел. Лейтенант медленно прошел перед строем и отобрал человек шестнадцать, по виду похожих на евреев. У каждого он спрашивал: «Юде?» — и, не дожидаясь ответа, приказывал выходить из строя. Среди отобранных им были и евреи, и армяне, и просто русские, но смуглые лицом и черноволосые. Всех их отвели немного в сторону и расстреляли на наших глазах из автоматов. Нас же построили в походную колонну и погнали на запад. Гнали нас быстрым шагом, и силы мои приходили к концу. Два раза я падал, вставал и шел потому, что знал, что, если пролежу лишнюю минуту, и колонна пройдет, — меня пристрелят там же, на дороге. Так произошло с шедшим впереди меня сержантом. Он был ранен в ногу и с трудом шел, стоня, иногда даже вскрикивая от боли. Прошли с километр, и тут он громко сказал: — Нет, не могу. Прощайте, товарищи! — и сел среди дороги. Его пытались на ходу поднять, поставить на ноги, но он снова опускался на землю. Как во сне, помню его очень бледное молодое лицо, нахмуренные брови и мокрые от слез глаза... Колонна прошла. Он остался позади. Я оглянулся и увидел, как мотоциклист подъехал к нему вплотную, не слезая с седла, вынул из кобуры

пистолет, приставил к уху сержанта и выстрелил. Пока дошли до речки, фашисты пристрелили еще нескольких отстававших красноармейцев.

Только отошли от речки, как по пути нам встретилась колонна средних немецких танков. Они двигались нам навстречу. Водитель головного танка, рассмотрев, что мы — пленные, дал полный газ и на всем ходу врезался в нашу колонну. Передние ряды были смяты и раздавлены гусеницами. Пешие конвойные и мотоциклисты с хохотом наблюдали эту картину, что-то орали высунувшимся из люков танкистам. Оставшихся построили и погнали сбоку дороги. Утром нас гнали через одну деревню, в которой стояла немецкая часть. Немецкие пехотинцы высыпали на улицу посмотреть на нас. Конвой заставил нас бежать через всю деревню рысью. Надо же было унижить нас в глазах подходившей к фронту немецкой части. И мы бежали. Кто падал или отставал, в того немедленно стреляли.

К вечеру мы были уже в лагере для военнопленных. Внутри плечом к плечу стояли пленные. Сказать, что этот лагерь был адом, — значит, ничего не сказать. Уборной не было. Люди испражнялись здесь же и стояли и лежали в грязи и в зловонной жиже. Наиболее ослабевшие вообще уже не вставали. Воду и пищу давали раз в сутки. Кружку воды и горсть сырого проса или прелого подсолнуха, вот и все. Иной день совсем забывали что-либо дать... На шестые сутки я почувствовал, что у меня еще сильнее заболело плечо и рана на голове. Началось нагноение. Потом появился дурной запах. Рядом с лагерем были колхозные конюшни, в которых лежали тяжелораненые красноармейцы. Утром я обратился к унтеру из охраны и попросил разрешения сходить к врачу, который был при раненых. Унтер хорошо говорил по-русски. Он ответил: «Иди, русский, к своему врачу. Он немедленно окажет тебе помощь». Тогда я не понял насмешки и, обрадованный, побрел к конюшне.

Военврач третьего ранга встретил меня у входа. Это был уже конченный человек. Худой до изнеможения, измученный, он был уже полусумасшедшим от всего, что ему пришлось пережить. Раненые лежали на навозных подстилках и задыхались от дикого зловония, наполнявшего конюшню. У большинства в ранах кишели черви, и те из раненых, которые могли, выковыривали их из ран пальцами и палочками... Тут же лежала грудa умерших пленных, их не успевали убирать. «Видели? — спросил у меня врач. — Чем же я могу вам помочь? У меня нет ни одного бинта, ничего нет! Идите отсюда, ради бога, идите! А бинты ваши сорвите и присыпьте раны золой. Вот здесь у двери — свежая зола». Я так и сделал. Унтер встретил меня, у входа широко улыбаясь. «Ну, как? О, у ваших солдат превосходный врач! Оказал он вам помощь?» Я хотел, молча пройти мимо него, но он ударил меня кулаком в лицо, крикнул: «Ты не хочешь отвечать, скотина?!» Я упал, и он долго бил меня ногами в грудь и в голову. Бил до тех пор, пока не устал. Этого фашиста я не забуду до самой смерти, нет, не забуду! Он и после бил меня не раз. Как только увидит сквозь проволоку меня, приказывает выйти и начинает бить, молча, сосредоточенно...

Вы спрашиваете, как я выжил? Так шли дни, словно в тяжком сне. С каждым днем я слабел все более. Теперь меня мог бы свалить на землю и ребенок. Иногда я с ужасом смотрел на свои обтянутые одной кожей, высохшие руки, думал: «Как же я уйду отсюда?» Вот когда я проклинал себя за то, что не попытался бежать в первые же дни. Что ж, если бы убили тогда, не мучился бы так страшно теперь.

Пришла зима. Мы разгребали снег и спали на мерзлой земле. Все меньше становилось нас в лагере... Наконец было объявлено, что через несколько дней нас отправят на работу. Все ожили. У каждого проснулась надежда, хоть слабенькая, но надежда, что, может быть, удастся бежать.

В эту ночь было тихо, но морозно. Перед рассветом мы слышали орудийный гул. Все вокруг меня зашевелилось. А когда гул повторился, вдруг кто-то громко сказал: — Товарищи, наши наступают!

И тут произошло что-то невообразимое: весь лагерь поднялся на ноги, как по команде! Встали даже те, которые не поднимались по нескольку дней. Вокруг слышался горячий шепот и подавленные рыдания... Кто-то плакал рядом со мной по-женски, навзрыд... Я тоже... я тоже... У меня тоже катились по щекам слезы и замерзали на ветру... Кто-то слабым голосом запел «Интернационал», мы подхватили тонкими, скрипучими голосами. Часовые открыли стрельбу по нас из пулеметов и автоматов, раздалась команда: «Лежать!» Я лежал, вдавив тело в снег, и плакал, как ребенок. Но это были слезы не только радости, но и гордости за наш народ. Фашисты могли убить нас, безоружных и обессиленных от голода, могли замучить, но сломить наш дух не могли, и никогда не сломят! Не на тех напали, это я прямо скажу».

Ведущая: «Наука ненависти» еще не содержит того масштаба обобщения, той глубины трагизма, которые нашли художественное воплощение в рассказе «Судьба человека» (1956). Рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека» проникнут глубокой, светлой верой в человека. Его заглавие символично: это не просто судьба солдата Андрея Соколова, а рассказ о судьбе русского человека, простого солдата, вынесшего на себе все тяготы войны. Писатель показывает, какой огромной ценой была завоевана победа в Великой Отечественной войне, и кто был настоящим героем этой войны. Герою пришлось испытать нечеловеческие муки, тяготы, терзания. Два года Андрей Соколов стойко переносил ужасы фашистского плена. Он пытается бежать, но неудачно, расправляется с трусом, предателем, который готов, спасая свою шкуру, выдать командира. С большой наглядностью чувство собственного достоинства, огромная сила духа и выдержка раскрылись в нравственном поединке Соколова с комендантом концлагеря. Вышедший из войны победителем, он потерял все, что у него было в жизни. На месте, где стоял дом, построенный его руками, темнела воронка от немецкой авиабомбы... Погибли все члены его семьи. Однако жизнь не смогла сломить Андрея Соколова, она изранила, но не убила в нем живую душу.

Инсценировка отрывка из рассказа «Судьба человека».

Автор: После демобилизации Соколов поехал в Урюпинск. Хотя и имел инвалидность, но работал шофером в автороте. Возвращаясь из рейса, он очень часто заезжал в чайную перекусить. Там - то он и увидел парнишку, этакого маленького оборвыша: личико все покрыто пылью, грязный как, прах, нечесаный. Кормился он около чайной – кто что даст. В очередной раз, груженный хлебом, Соколов подвернул к чайной и увидел: парнишка сидит на крыльце, ножками болтает и, по всему видно, голодный.

Соколов: «Эй, Ванюшка! Садись скорее в машину, прокачу на элеватор, а оттуда вернемся сюда, пообедаем».

Автор: Ванюшка вздрогнул, соскочил с крыльца, подошел и тихо так говорит:

Ваня: «А вы откуда знаете, дядя, что меня Ваней зовут?»

Автор: Стоит и ждет ответа.

Соколов: «Да ты знаешь я человек бывалый, все знаю».

Ванька зашел с правой стороны и сел в машину. Мальчишка он шустрый, а тут вдруг чего-то притих, задумался и нет-нет да и взглянет из-под своих ресниц, вздохнет.

Соколов: «Где же твой отец, Ваня?»

Ваня: (шепчет) «Погиб на фронте».

Соколов: «А мама?»

Ваня: «Маму бомбой убило в поезде, когда мы ехали»

Соколов: «А откуда вы ехали?»

Ваня: «Не знаю, не помню...»

Соколов: «И никого у тебя тут родных нету?»

Ваня: «Никого».

Соколов: «А где же ты ночуешь?»

Ваня: «А где придется».

Автор: Закипело, защемило в душе у Соколова. Наклонился он к нему и тихонько спросил:

Соколов: «Ванюшка, а ты знаешь, кто я такой?»

Автор: Ванька спросил, как выдохнул:

Ваня: «Кто?»

Соколов ему тихо: «Я твой отец».

Автор: Боже мой, что тут произошло! Кинулся Ванюшка на шею, да так звонко и тоненько кричит:

Ваня: «Папка, родненький! Я знал! Я знал, что ты меня найдешь! Все равно найдешь! Я так долго ждал, когда ты меня найдешь!»

Автор: Прижался, весь дрожит. Помутнело в глазах у Соколова, всего дрожь бьет, руки трясутся. Обнял он парнишку правой рукой, левой развернул машину и поехал обратно. Какой уж там элеватор, не до элеватора было.

Ведущая: Теме героического подвига советского народа в Великой Отечественной войне посвящен еще один роман Михаила Шолохова «Они сражались за Родину» (1943–1969). В этом романе автор стремится поведать миру суровую правду о том, какой огромной ценой оплатил советский народ право человечества на будущее.

1941-42 гг. Три друга-однополчанина, прошедшие вместе первые годы войны, защищают переправу советских войск через Дон. Их полк с честью выполняет задачу, сумев сохранить при этом полковое знамя. В битве за хутор Старый Ильмень из всего полка уцелело только 117 бойцов и командиров. Теперь эти люди, измученные тремя танковыми атаками и бесконечным отступлением, брели по знойной, безводной степи. Николая Стрельцова угнетало бесконечное отступление советских войск. На фронте царил хаос, и советская армия никак не могла организовать достойный отпор фашистам. Особенно тяжело было смотреть в глаза людей, остающихся в немецком тылу. Местное население относилось к отступающим солдатам, как к предателям. Николай не верил, что им удастся выиграть эту войну. Петр Лопехин же считал, что русские солдаты ещё не научились бить немцев, не накопили злости, которой хватило бы для победы. Вот научиться — и погонят врага восвояси. Наконец, они дошли до хуторка, «затерянного в беспредельной донской степи». Петр не унывал, шутил. Искупавшись в Доне, друзья наловили раков и Лопехин пошел в хутор искать ведро и соль.

Инсценировка отрывка из романа «Они сражались за Родину».

Автор: Полуразрушенные дворовые постройки, повисшая на одной петле ставня, прогнившие ступеньки крыльца – все говорило о том, что в доме нет мужских рук. Около сарая небольшая, сердитая на вид старуха в поношенной юбке и кофтенке складывала дрова. Лопахин уверенно, будто у себя дома, распахнул покосившуюся калитку, вошел во двор, непролазно заросший бурьяном и крапивой.

Лопахин: - А что, мамаша, не добудет ли мы у вас ведро и немного соли? Раков наловили, хотим сварить.

Старуха: - Соли вам? Мне вам кизяка поганого дать жалко, не то что соли!

Лопахин: - За что же такая немилость к нам?

Старуха: - А ты не знаешь за что? Бесстыжие твои глаза! Куда идете? За Дон поспешаете? А воевать за вас кто будет? Может, нам, старухам, прикажете ружья брать да оборонять вас от немца? Третьи сутки через хутор войско идет, нагляделись на вас вволюшку! А народ на кого бросаете? Ни стыда у вас, ни совести, у проклятых, нету! Чтоб вас на том свете солили, да не пересаливали! Не дам! Ступай отсюда!

Лопахин: - Ну и люта, же ты, мамаша!

Старуха: - А не стоишь ты того, чтобы к тебе доброй быть. Уж не за то ли мне тебя жаловать, что ты исхитрился раков наловить? Медаль-то на тебя навесили небось не за раков?

Лопахин: Ты мою медаль не трогай, мамаша, она тебя не касается.

Старуха: - Меня, соколик ты мой, все касается. Я до старости на работе хрип гнула, все налоги выплачивала и помогала власти не за тем, чтобы вы сейчас бегли как оглашенные и оставляли бы все на разор да на поруху.

Лопахин: Это все мне без тебя известно, мамаша! Но ты напрасно так рассуждаешь...

Старуха: - А как умею, так и рассуждаю... Годами ты не вышел меня учить.

Лопахин: - Наверное, в армии у тебя никого нет, а то бы ты иначе рассуждала.

Старуха: Это у меня-то нет? У меня три сына и зять на фронте, а четвертого, младшего сынка, убили в Севостополе-городе, понял? Сторонний ты, чужой человек, потому я с тобой по-мирному и разговариваю, а заявись сейчас сыны, я бы их и на баз не пустила.

Лопахин: - Ну, что ж... мамаша, извините, дело наше спешное, пойду в другом дворе добуду ведро.

Старуха: - Эй, служивый, погоди-ка! Старуха шла следом за ним. Вынесла ведро и соль.

- Посуду тогда принеси,- все так же строго сказала старуха.

Лопахин: - Что ж, мы люди не гордые. Можно взять... Спасибо, мамаша!-

Автор: и почему-то вдруг низко поклонился. Николай Стрельцов с красноармейцев ждали Лопахина возле двора. Они сидели в холодке и курили.

Стрельцов: - Что-то долго не идет наш бронебойщик, видно, Ника ведра не выпросит. Не успеем раков сварить

Красноармеец: Успеем.

Автор: Их размышления прервал Лопахин. Он подошел торопливым шагом и сказал:

Лопахин: - Ну и жарница! Прямо адово пекло,

Автор: - и испытующе взглянул на Николая, пытаясь определить, слышали его разговор со старухой или нет.

Стрельцов: Насчет щей не интересовался?

Лопухин: - Какие там щи, если раков будем варить! – раздраженно ответил Лопухин.

Красноармеец: Что же ты так долго там пробыл?

Лопухин: - Старушка такая веселая, разговорчивая попалась, никак не уйдешь. Все ее интересует: кто мы, да откуда, да куда идем... Прямо прелесть, а не старушка! Сыны у нее в армии, ну, она увидела военного и, конечно, растаяла, угощать затеялась, сметаны предлагала...

Стрельцов (испугано):- И ты отказался?

Лопухин : - Что я, странник или нищий, какой, чтобы у бедной старушки последнюю сметану сожрать?

Стрельцов (грустно): - Напрасно отказался, за сметану можно бы было заплатить ей.

Лопухин: - Я не знал, что ты такой любитель сметаны, а то бы, конечно, взял. Ну да это дело поправимое: обратно ведро я не понесу, хватит с меня этого удовольствия, ты отнесешь и , кстати, сметаны попросишь. Старушка такая добрая, что и копейки с тебя не возьмет. Она мне так и сказала: «До того мне жалко отступающих бойцов, до того жалко, что готова вам все отдать!» Ну, пошли, а то раки наши подохнут к черту!

Автор: Но доварить и попробовать раков им не довелось — «с запада донёсся знакомый, стонущий гул артиллерийской стрельбы». Вскоре полк подняли по тревоге и приказали «занять оборону на высоте, находящейся за хутором, на скрещении дорог», и держаться до последнего. Это был тяжёлый бой. Остаткам полка пришлось удерживать вражеские танки, стремившиеся прорваться к Дону, где происходила переправа основных войск.

Ведущая: Невозможно даже перечислить все произведения, воспевавшие героизм народа в Великой Отечественной войне. Книги о войне тоже похожи на памятник погибшим. М. Шолохов изображает войну и человека на войне - «без прикрас, без бахвальства, без лакировки, - какова она есть». В его произведениях нет напыщенности, излишней торжественности. Автор пишет о войне как очевидец, как человек, испытавший и горечь поражений, и тяжесть потерь и утрат, и радость победы. Его, по собственному признанию, интересует не технология боя, а нравственный мир человека, поведение его на войне в кризисных, трагических, безвыходных ситуациях. Его произведения объединяет одна общая идея - идея выбора. Выбора между смертью, но смертью героя, и трусливым, жалким существованием. Писателя интересует то жестокое суровое испытание, которое должен пройти каждый из его героев: сможет ли он не щадить себя, чтобы выполнить свой долг перед Родиной, свои обязанности гражданина и патриота? Война и была такой проверкой человека на прочность идейную и моральную.

Шолохов: «Мой родной народ на своих исторических путях шел вперед не по торной дороге...Я видел и вижу свою задачу как писатель в том, чтобы всем, что написал и напишу , отдать поклон этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не напал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою честь и свободу, свое право строить себе

будущее по собственному выбору. Я хотел бы, чтобы мои книги помогали людям стать лучше, стать чище душой, пробуждать любовь к человеку, стремление активно бороться за идеалы гуманизма и прогресса человечества».

Ведущая: Наша страна удостоила Михаила Александровича высоких званий и наград! Наивысшей наградой, знаком признания является присуждение писателю Нобелевской премии! Впоследствии Шолохов эту премию отдаёт на строительство станичной школы.

Простой и мудрый человек, великий художник слова, он « принадлежит к тем писателям, которые... гордятся, что они малая частица народа великого и благородного, гордятся тем, что являются сынами могучей и прекрасной Родины».

Литература:

- 1.Котовсков Вл., Мир Шолохова. Статьи. Страницы из дневника [Текст]/ Вл. Котовсков.- Ростов н/Д.: РостИздаТ, 2005. -256с.
- 2.Шолохов М.А., Очерк «Наука ненависти», рассказ «Судьба человека», роман «Они сражались за Родину» [Текст]/ М.А. Шолохов.- Ростов н/Д, 1987
- 3.Зимовнов А.А., Шолохов в жизни. Дневниковые записи секретаря [Текст] / А.А. Зимовнов.- Ростов н/Д.:РостИздаТ, 2005. – с.272.

Использованные электронные ресурсы:

1. http://zimamcb.ru/index/ukaz_prezidenta_o_prazdnovanii_70/0-1141- Великая Отечественная М. Шолохова
- 2.<http://www.slavkrug.org/velikaya-otechestvennaya-vojna-v-tvorchestve-sholoxova-m-a/> - Великая Отечественная война в творчестве Шолохова М.